

Л.С. РЯШКО
Екатеринбург

О БИБЛЕЙСКИХ СЮЖЕТАХ В ТРАКТАТЕ
НИКИФОРА ВЛЕММИДА «ЦАРСКАЯ СТАТУЯ»
(Βασιλικὸς Ἀνδριάς)

Византийцы воспринимали материальную культуру, искусство, религию, государство как неразрывные части единой системы¹, что породило характерный для них историзм мышления, который обладал рядом особенностей.

Прежде всего, это касается понятия исторического времени. Движение исторического времени – условная категория, существующая в силу изменения окружающего мира. Нравственная оценка событий с позиций христианства наполняла его этическим содержанием².

Другая особенность связана с верой в возможность некоторого предвидения исторических событий. Сегодня мы могли бы сказать, что византийцы представляли ход истории как стохастический процесс, регулируемый теми или иными обстоятельствами³. Под «обстоятельствами» они понимали не только внешние условия и деятельность самих людей, но и их взаимоотношения с Богом. Таким образом, Бог как бы включался в цепочку причинно – следственных связей, существование которых византийцы никогда не отрицали. Именно это и породило взгляд на историю, как на процесс, который в определенной степени можно не только предвидеть, но и влиять на него⁴. Сам факт существования в Византии обширной политической дидактической литературы подтверждает этот вывод.

Одним из таких произведений является трактат Никифора Влеммида «Царская статуя» (середина XIII в.)⁵. Далее мы подробнее исследуем

© Л.С.Ряшко, 1999.

¹ Хвостова К.В. Византийская цивилизация//ВИ. 1995. № 9. С. 34.

² Хвостова К.В. Византинизм «оправдание жизни» (проблемы византийской цивилизации)//ВВ. 1998. Т. 55/2. С. 11.

³ Там же. С. 12.

⁴ Хвостова К.В. Понимание общественных явлений прошлого и настоящего в Византии XIV-XV вв.//ВВ. 1991. Т. 52. С. 71, 82 сл.

⁵ О Никифоре Влеммиде см.: Барвинок В.И. Никифор Влеммид и его сочинения. Киев, 1911; PLP. N 2897; Vlemmydes Nikephoros//OLB. P. 296; Καρπηλέρης Μ. Νικήφόρος Βλεμμίδης ὡς παιδαγωγὸς καὶ διδάσκαλος. Jerusalem, 1921. В данной работе использовано следующее издание «Царской статуи»: Hunger Н.,

некоторые особенности мировоззрения византийцев, опираясь на конкретный материал из этого произведения, связанный с Библией⁶. Следует, однако, особо отметить, что помимо него в «Царской статуе» содержится большой пласт информации, позаимствованный автором из античной традиции, который будет детально анализироваться в последующих работах.

Согласно Л.А. Фрейберг, Влеммид ссылается на Библию в «Царской статуе» всего лишь восемь раз⁷. По нашим подсчетам – свыше сорока. Все ссылки на Библию можно условно разбить на три основных группы: цитаты, мысли о государстве и обществе, исторические сюжеты. Рассмотрим по отдельности каждую из них.

Цитата – самая распространенная в «Царской статуе» форма ссылки на Библию. В количественном отношении цитаты достаточно равномерно распределены по всему сочинению и не имеют четко выраженной привязки к каким – то конкретным тематическим разделам. В большинстве случаев их размер не превышает четырех слов. Приведем несколько типичных примеров⁸: «дурные мысли» (ВА. 43), «отдавать жизнь» (ВА. 51), «святость» (ВА. 66), «никто Господа Бога не увидит» (ВА. 64), «до самых краев ойкумены» (ВА. 101), «образ раба» (ВА. 102), «царь славы» (ВА. 102) и т.д. Эти цитаты не несут никакой информативной нагрузки, но их присутствие в тексте обогащает язык трактата, делая его более ярким и насыщенным. Кроме того, по понятиям византийцев, выдержки из Библии должны придавать любой мысли особую весомость и значимость.

Высказывания о государстве и обществе можно лишь с некоторой степенью вероятности рассматривать как библейские. Свой трактат Никифор Влеммид начинает следующими словами: «Зако́н, издревле подходящий для (осуществления) общественных дел, (предписывает), чтобы подданные приносили подати царю; и это им самим, прежде всего, служит, а иначе не совершалось бы должное» (ВА. 1). По мнению итальянского исследователя А. Пертузи, начало сочинения Влеммид позаим-

Ševčenko I. Des Nikephoros Blemmydes «Basilikos Andrias» und dessen Metaphrase von Georgios Galesiotes und Georgios Oinaiores: Ein weiterer Beitrag zum Verständnis der byzantinischen Schriftkoine//Wiener byzantinische Studien. 1986. Bd. XVIII. S. 42-117 (далее - ВА). Исследования: Χρήστου Κ.Π. 'Ο Βασιλικός Ἀνδριάς τοῦ Νικηφόρου Βλεμμύδη: Συμβολή στήν πολιτική θεωρία τῶν Βυζαντινῶν. Thessalonica, 1996; Mercati S.L. Observations sur le texte de Ἰοῦνδριάς Βασιλικῆ de Nicephore Blemmydes//BS. 1948. T. 9. P. 182-185; Андреева М.А. Очерки по культуре византийского двора в XIII в. Прага, 1927. С. 9-10; 166-168; Ряшко Л.С. Императорская справедливость в интерпретации Никифора Влеммида: риторика и реальность//АДСВ. 1997. Вып. 28. С. 82.

⁶ Издание: Библия. Современный перевод библейских текстов. М., 1998.

⁷ Фрейберг Л.А., Попова Т.В. Византийская литература эпохи расцвета IX-XV вв. М., 1978. С. 179.

⁸ Цитаты выделены в самом издании «Царской статуи».

ствовал из произведения Феофилакта «Королевское образование»⁹. Однако аналогичные места мы встречаем и в Библии. Так, в Послании к римлянам св. апостола Павла говорится: «Для сего вы и подати платите; ибо они Божии служители, сим самым постоянно заняты. Итак отдавайте всякому должное: кому подать, подать; кому оброк, оброк...» (Послание к римлянам св. Апостола Павла. 13. 6-7). Скорее всего, первоисточником как для Феофилакта, так и для Влеммида послужила Библия.

В другом месте Влеммид сравнивает устройство государства с живым организмом: «Таким же образом и тело животного трудно одолимо, когда все члены и части тела вместе подают ненарушенными свои действия» (ВА. 3). В литературе отмечается¹⁰, что такое представление сформировалось под влиянием посланий св. апостола Павла (Послание к римлянам св. апостола Павла, 12. 4-5; Первое послание к коринфянам св. апостола Павла, 12. 12-27). В то же время подобные аналогии мы встречаем и у Платона¹¹, который считал, что государство «более всего по своему состоянию напоминает отдельного человека» (Государство, 462 с). Поэтому вопрос о происхождении этого сюжета остается открытым.

Напротив, представление Влеммида о изначальном равенстве всех людей («Радость при сокрушении ведомых, наделенных той же природой, и наслаждение мучениями других (подобны) зверству и дерзости Эхета» – ВА. 52), без сомнения, следует искать в христианстве. Именно там провозглашалась идея единства человеческого рода вне социальных, национальных, половозрастных различий. Перед возможностью спасения значение имело лишь деление людей на праведников и грешников: «... Нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Послание к Колоссянам, 3. 11). Следует отметить, что в Библии эта мысль выражена более четко и определенно.

Полагая, что правителю следует, прежде всего, уметь управлять собой, Влеммид говорит: «Тот, кто не смог владеть одним домом, то есть внутренним, далек от того, чтобы его провозглашали без обмана самодержцем над многими городами» (ВА. 11). На наш взгляд, этот пассаж является авторской вариацией следующего библейского положения: «Ибо, кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли пещись о Церкви Божией?» (Первое послание к Тимофею св. апостола Павла, 3. 4-5).

Наибольший интерес для исследования представляют библейские исторические сюжеты, которых в «Царской статуе» три: об осаде Иерусалима войском ассирийского царя Сеннахерима и Божиим наказанием

⁹ Pertusi A. Il pensiero politico e sociale bizantino dalla fine del secolo VI al secolo XIII. Torino, 1983. P. 793.

¹⁰ См., например: Поляковская М.А. Портреты византийских интеллектуалов. Екатеринбург, 1992. С. 61-62.

¹¹ Издание: Платон. Государство//Собр. соч. в 4-х т. Т. 3. М., 1994.

последнего за нечестие (ВА. 174-180); о приготовлениях царя Иосафата к войне с племенами язычников и чудесном избавлении от грозившей иудеям опасности (ВА. 181-187); и, наконец, о судьбе народа Израиля и его взаимоотношениях с Богом (ВА. 189-196).

Византийцы считали, что знание о прошлом позволяет им ориентироваться в событиях современности и с некоторой долей вероятности прогнозировать будущее. Это представление о дидактической роли истории было обусловлено пониманием времени как циклического процесса, протекающего в рамках линейного библейского времени¹². Античная концепция цикличности времени в христианской интерпретации приобрела этическую окраску. Человек, обладая свободой воли, мог реализовать или не реализовать заложенные в нем Богом нравственные потенции. В первом случае его ожидала награда, во втором – возмездие. Сюжет о судьбе израильского народа прекрасно иллюстрирует эти воззрения.

В представлении Никифора Влеммида история Израиля имеет циклический характер: период процветания и благополучия сменяется временем бедствий и несчастий и наоборот. Этот круговорот событий трактуется Влеммидом с этической, нравственной точки зрения. Так, счастье и благоденствие народа даруется Богом за добродетельную жизнь израильтян. Напротив, забвение заветов Господа вызывает Его гнев и навлекает на людей многочисленные беды и смерть. Вот как пишет об этом сам Влеммид: «Без сомнения, и Израилю, выполняющему успешно божественные законы, успех сопутствовал; ниспровергающему же их – ниспровержение» (ВА. 189).

Завоевание Константинополя в 1204 г. Влеммид, как и многие его современники, воспринял как кару, посланную Господом за прегрешения народа. Поэтому его обращение к истории израильтян является своего рода предостережением и пророчеством византийцам.

Представление византийцев о дидактической роли истории свидетельствует о признании ими причинно-следственных связей. Но в то же время византийцы полагали, что Бог как творец всего сущего всегда может вмешиваться в ход событий. В пользу этого, в частности, говорит сюжет о библейском царе Езекии. Когда ассирийский правитель Сеннахерим отправился в поход против Иерусалима, Езекия заблаговременно подготовился к войне. За городом он приказал вывезти все продовольствие, загородить родники, выкопать рвы, прибить дополнительные колья к ограде, усилить стены надстройками, зубцами, наружными укреплениями; внутри же города – собрать и вооружить стражей, подготовить лучников, пелтастов и пращников, выбрать начальников гарнизона и расставить дозорных (ВА. 174-175). Однако, получив от Сеннахерима нечестивое послание и возлагая на помощь Господа большие надежды, Езекия отправился в храм и обратился к Нему, моля о спасении. Услышав

¹² Бычков В.В. Византийская эстетика. М., 1977. С. 49.

Езекию, Бог внял его мольбам и в течение ночи уничтожил сто восемьдесят пять тысяч врагов (ВА. 179). Для автора очевидно, что только тщательные военные приготовления (причина) могут привести к победе над врагом (следствие). Однако, чудесное вмешательство Бога нарушает естественный ход событий: битва не состоялась, но все враги были чудесным образом уничтожены. Можно сказать, что в причинно-следственной цепочке появляется дополнительное звено – деятельность Бога, – способное коренным образом изменять историю. Из приведенного сюжета следует, что человек обладает возможностью влиять на ход событий не только посредством своих собственных действий, но и через Бога. При этом, однако, стохастический характер исторического процесса в целом не изменяется.

С рассмотренным выше вопросом непосредственно связан и другой, а именно о соотношении ролей человеческого и божественного факторов в истории. Взгляды Влеммида на эту тему отражаются в одном из его высказываний. Библейские сюжеты, следующие за ним в тексте, приводятся автором для его подтверждения и иллюстрации. Пассаж Влеммида звучит следующим образом: «Сущность благ – всегда пристально смотреть на Господа и, с одной стороны, спешить, строить и охранять со всей присущей человеку силой, ибо быть небрежным является совершенной глупостью, ничем не уступающей вошедшей в поговорку глупости погонщика быков; однако, с другой стороны, достижение, свершение и сбережение принимать от сострадающего Бога как что-то священное и стремлением к нему вместе с другим угодным Богу (делом) приносить трудам осуществление. Этим более свойственно приобретать от высшей склонности управление, завершение и сохранение и видеть противников невиданным образом низвергнутыми» (ВА. 172-173). Как видим, перечисленные здесь виды деятельности, а именно строительство и военное дело, носят активный производительный характер. Любое бездействие порицается и сравнивается Влеммидом с глупостью погонщика быков. Суть этой поговорки¹³ состоит в следующем. Некогда у погонщика быков с высокого обрыва упала телега. Ленивый погонщик остановился и обратился к Богу с мольбой о помощи. Тот же ответил ему, что прежде пусть он сам прицепит колеса к телеге и толкнет быков и лишь затем просит Бога о помощи. Молитва, не подкрепленная деятельностью самого человека, напрасна. Как видим, труд оценивается автором как богоугодное дело. Будучи сопряженным с истинной верой, он является обязательным и достаточным условием для получения человеком божественной помощи, как это было в случае с царями Езекией и Иосафатом или тем же погонщиком быков. Вот как говорит об этом сам Влеммид: «Такие (деяния) может совершать крепкая и непоколебимая надежда на Бога. Делает же это возможным (т.е. свершение великих деяний - Л.Р.) жизнь, угодная Богу» (ВА. 187). В то же

¹³ Suda. s.v. τὴν χεῖρα προσφέροντα τὸν θεὸν καλεῖν.

время Влеммид убежден, что человек не может и не должен рассчитывать только на свои собственные силы, поскольку сущность всех благ, в конечном итоге, исходит от Бога. Описывая подготовку царя Иосафата к войне с племенами язычников, Влеммид пишет: «Царем у иудеев был и Иосафат. Когда смешанное множество язычников против него двинулось, и он, побужденный необходимостью, приготовился к противоборству, собрав и вооружив, как следовало, свой народ и заранее установив, насколько возможно лучше, средства военной борьбы. Однако, ни множеству подданных, ни оружию, ни военному опыту не доверившись, но к одному только действительно могущественному помощнику и все-сильному защитнику прибегнув, постом и слезами его умилившись и всех своих (подданных) к этому склонив, таким образом он вступает в противостояние, когда Левиты пошли впереди целого войска, призывая Бога» (ВА. 181-182).

И, наконец, рассмотрим вопрос о взаимоотношениях человека и Бога. В Византии сформировалось два представления о возможных путях спасения христиан. Один из них предполагал общение с Богом посредством культовых обрядов, совершаемых духовенством. Наряду с этим провозглашался индивидуальный путь спасения, который отстаивали византийские мистики¹⁴. Хотя мистики не отрицали какие-либо из элементов культа (храмы, иконы, таинства и т.д.), выше его они ставили стремление к индивидуальному, личному постижению Бога посредством веры и подвига. Из того, что Влеммид выбрал в качестве одного из примеров сюжет о царе Езекии следует, что он не отрицал такой путь общения с Богом. В этом сюжете Езекия, моля Господа о спасении от полчищ Сеннахерима, лично обращается к Нему с такими словами: «Посмотри, владыка Саваоф, сколько "брани произнес" Сенахерим против имени твоего святого. "Спаси нас от руки его", Повелитель. "Пусть он узнает", что ты являешься "единственным" Богом» (ВА. 178). Просьба Езекии, как мы видели, была не только услышана, но и выполнена. В другом месте Влеммид добавляет о себе, говоря, что отношения между человеком и Богом должны строиться на любви, доверии и поддержке: «Ибо кого кто-то радуется, тем он любим; к любящему же имеет доверие. Тот же не опечаливает, не отворачивается, не отказывает ему. Противоположное же с противоположными случается» (ВА. 188).

В заключение подведем некоторые итоги. Преодоление в христианской религии дуализма между земной и небесной сферами жизни посредством учения о Христе как богочеловеке обусловило формирование в сознании верующих византийцев целостной картины мира, в которой тесно переплеталось реальное и чудесное, человеческое и божественное. В силу этого представления Бог рассматривается Влеммидом как важный и постоянно действующий фактор человеческой жизни и истории человечества в целом. Бог оценивает деяния людей, воздавая всем по

¹⁴ Каждан А.П. Византийская культура (X-XII вв.). СПб., 1997. С. 146-149.

заслугам, и таким образом является высшим ориентиром для их деятельности и, в конечном счете, единственным источником всех благ. Бог вмешивается и влияет на ход истории, возвеличивая или, наоборот, ниспровергая целые народы. В то же время человек в соответствии с христианской доктриной о свободе воли наделяется большой самостоятельностью. Последнее нашло отражение в положении Влеммида о необходимости человеку вести активную созидательную деятельность. И, наконец, взаимоотношения Бога и человека строятся на основе доверительного личного общения. В целом, можно утверждать, что характер цитирования Библии позволяет выявить некоторые особенности миропонимания византийцев.

L. Rjaško

Über die der Bibel entstammenden Sujets im Traktat des Nikephoros Blemmydes «Kaiserstatue»

Im vorliegenden Artikel werden anhand von biblischen Vergleichsmomenten in Blemmydes' Traktat «Kaiserstatue» (Mitte des XIII. Jh.s) einige Besonderheiten des byzantinischen historischen Denkens analysiert: der ethische Gehalt der Vergangenheit, dessen zyklische Wiederkehr auf der Linie der Zeit, die mit der Bibel beginnt, und die damit verbundene Lehrhaftigkeit der Geschichte, die Geschichte als vom Zufall abhängiger Prozeß, der vom Menschen durch aktives Eingreifen und von Gott geregelt wird. Die Weltwahrnehmung der Byzantiner überhaupt wird als einer der Hauptfaktoren dafür angesehen, daß die Geschichte bei ihnen in hohem Ansehen stand.